

Салман Дикаев

**Террор, терроризм
и преступления
террористического характера**

Теория и практика уголовного права и уголовного процесса

Салман Дикаев

**Террор, терроризм и преступления
террористического характера**

«Юридический центр»

2006

УДК 343.341
ББК 67.408

Дикаев С. У.

Террор, терроризм и преступления террористического характера
/ С. У. Дикаев — «Юридический центр», 2006 — (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса)

В монографии автором предпринята попытка комплексного анализа криминологических и уголовно-правовых проблем терроризма и тесно примыкающих к нему других преступлений террористического характера. Освещаются различные подходы к формированию понятийного аппарата в данной сфере, к классификации и разграничению исследуемых явлений. Террор, терроризм и их соотношение рассматриваются с исторической и психологической точек зрения. Отдельная глава посвящена вопросам уголовно-правового противодействия проявлениям терроризма в современной России. Издание предназначено для сотрудников правоохранительных органов, а также для ученых различных областей науки, преподавателей, курсантов и слушателей учебных заведений МВД России, студентов юридических факультетов и широкой аудитории, интересующейся причинами глобализации терроризма и проблемами противодействия проявлениям терроризма в России и в мире.

УДК 343.341
ББК 67.408

© Дикаев С. У., 2006
© Юридический центр, 2006

Содержание

Введение	6
Глава I. Террор и терроризм: проблемы понятийного аппарата	9
1.1. Основные подходы к юридическому определению терроризма	9
1.2. Критерии разграничения терроризма и смежных с ним явлений	18
1.3. Понятие и признаки международного и межгосударственного терроризма	32
Глава II. Террор, терроризм, террористический акт: вопросы классификации	38
2.1. Основные подходы к решению проблемы	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Салман Дикаев
Террор, терроризм и преступления
террористического характера

© С. У. Дикаев, 2006

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006

Рецензенты:

Я. И. Гилинский, доктор юридических наук, профессор (Центр девиантологии Социологического института РАН)

В. И. Тюнин, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербургский университет МВД России)

Введение

Террор и терроризм – проблема человеческого общества, сопровождающая его на всех этапах развития. К террору и терроризму как форме управления социумом прибегали еврейские «сикарии» и исламисты, германские ландскнехты, турецкие янычары, британские пираты и «святая» инквизиция, римские папы времен контрреформации, французские якобинцы, революционеры и контрреволюционеры, фашисты и коммунисты. Этот список можно продолжать и до сегодняшних дней, что позволяет нам сделать следующий вывод: террор и терроризм – это, как и преступность в целом, свойство общества¹.

Наличие в мире множества террористических организаций и их активизация отражают процесс усложнения международных противоречий, возникновение и существование многоплановых международных конфликтов, вовлечение в них все большего числа этносов, государств и конфессий. И хотя в наше время человечество в целом пришло к пониманию того, что разумной альтернативы мирному сосуществованию нет, наличие в мире множества нерешенных вековых конфликтов² всегда будет ставить под сомнение это убеждение. Вековые конфликты, лежащие в основе многих современных проявлений террора и терроризма, будучи передаваемы от поколения к поколению на уровне коллективного бессознательного, постоянно содрогают и, к сожалению, еще долго будут содрогать человечество войнами, актами террора и терроризма, изобретая для этого все новые виды оружия. Взрывы домов в городах России в сентябре – октябре 1999 года, события, произошедшие 23 октября 2002 года в Доме культуры шарикоподшипникового завода в Москве, 11 сентября 2001 года в США, 12 октября 2002 года на острове Бали (Индонезия), 15 и 20 ноября 2003 года в Стамбуле³, Бесланская трагедия 1–3 сентября 2004 года и др. являются убедительным доказательством того, что от терроризма не застраховано ни одно государство мира. Следовательно, ни один человек не может считать свою безопасность безусловной.

В последние годы в России и в других государствах мира проводится множество научных и научно-практических конференций, симпозиумов, «круглых столов» и других форм научных дискуссий по проблеме терроризма. Заключено множество двусторонних и многосторонних межгосударственных соглашений по координации деятельности по противодействию проявлениям терроризма. Тем не менее сколько-нибудь эффективного решения этой проблемы ни в государственном, ни в мировом масштабах не найдено. Это говорит о том, что современный терроризм многолик и многомерен. Его виды, формы проявления и последствия практически невозможно прогнозировать, и, соответственно, невозможно выработать надежную методику противодействия. Предпринимаемые попытки механического заимствования опыта борьбы с терроризмом одних государств другими, в частности, заимствование израильского или английского опыта, исключающего какой-либо диалог с террористами или уступки им, далеко не всегда дает положительный результат и снижает террористическую активность в регионе. Более того, позиция «отказа от диалога с террористами» приводит к отказу и самих террористов обозначать назревшие, с их точки зрения, в обществе проблемы, и терроризм обретает форму «молчаливого» протеста, т. е. все чаще осуществляются акты терроризма, за которые никто не берет на себя ответственность. Последнее, в конечном итоге, «загоняет» проблему терроризма вглубь, превращая его в долговременный фактор.

¹ Шестаков Д. А. Криминология, краткий курс: Преступность как свойство общества. СПб., 2001.

² Дикаев С. У. Вековые проблемы и современные проблемы терроризма: правовой и политико-криминологический анализ. Монография. Уфа, 2003.

³ Коммерсант. 2003. 21 нояб.

Человечество в современных условиях столкнулось в своем развитии с многочисленными социальными, экономическими, демографическими, а в первую очередь – с политическими и геополитическими проблемами. Научно-технический прогресс вывел человечество далеко вперед, чего не скажешь об общественных отношениях. Несовершенство общественных отношений определяет устарелость и шаблонность подходов, отсутствие возможности, а нередко и желания властей разрешать назревшие в обществе проблемы, выбор силовых вариантов их решения, неэффективность и несоразмерность применения силы при подавлении воли «проблемной» группы, народа, государства и т. д. Все это способно породить, помимо прочего, и терроризм. И то, что это явление пришло с древнейших времен, говорит о том, что терроризм весьма чутко реагирует на изменения в обществе и, приспосабливаясь к ним, обретает такие формы, которые иногда практически не позволяют отличить его от иной организованной преступной деятельности.

В этой связи становится очевидным, что для дальнейшего совершенствования борьбы с терроризмом необходимо более эффективное использование возможностей современной науки⁴.

По проблемам борьбы с терроризмом в последние годы в России и в мире было проведено множество научных исследований и опубликовано немало научных работ. Эту сферу можно было бы считать тщательно исследованной, если бы была предложена проверенная на эффективность система противодействия. Поскольку завершенная система противодействия проявлениям терроризма ни в мировом, и в национальном масштабах не создана, то данная тема, несмотря на свою разработанность, представляет интерес для ученых различных областей науки.

Исследование терроризма – это достаточно сложное занятие. Во-первых, при очевидной необходимости поиска научного решения проблемы терроризма, далеко не просто получить доступ к эмпирическим материалам. Невозможность обобщения и анализа практики борьбы с проявлениями терроризма вынуждает исследователей строить гипотезы и предлагать решения, которые мало что дают практике. Во-вторых, как бы того и хотелось избежать, постоянно наталкиваешься на политическую составляющую терроризма, игнорирование которой приведет к неполноте и косности всего исследования. Стремление ученых обойти вниманием политическую суть террора и терроризма вредит и науке, и обществу, и самой власти, поскольку, лишь нарушив принцип власти «что не говорится, того не существует», можно прийти к открытому обществу и правовому государству. Замалчивание проблемы политической преступности⁵ и преступной политики⁶ провоцирует власть на новые преступления против собственного народа. А это, в свою очередь, провоцирует народ, считающий себя морально свободным перед преступной властью, на преступную, в том числе и террористическую активность. Но насилие и несправедливость власти в отношении своих граждан не только вызывает ответную реакцию, но и растлевает народ изнутри, вызывая недоверие и сопротивление любой форме властных предписаний. Если активная форма сопротивления преступной политике заключается во всевозможных правонарушениях и преступлениях, с которыми власть борется путем установления запретов, то пассивная форма протеста (снижение экономической, демографической, социальной, культурной и т. п. активности населения) ставит под угрозу само существование народа. У него снижается природный иммунитет организованного сопротивления насилию, а потому он оказывается уязвим для активности враждебных внешних сил. Пассивная народная оппозиция и народный нигилизм являются самыми опасными для любой власти формами про-

⁴ Сальников В. П., Возгрин И. А. О роли науки в системе противодействия терроризму // Защита и безопасность. 2002. № 2.

⁵ Кабанов П. А. Политический терроризм: Криминологическая характеристика и меры сдерживания. Нижнекамск, 1998. С. 48.

⁶ Шестаков Д. А. Криминология. Преступность как свойство общества. СПб., 2001. С. 205.

тиводействия, формами совершенно неуправляемыми, неподконтрольными никаким методам государственного принуждения и самым жестоким уголовным карам. Внешнее смирение перед угрозой террора не означает смирения внутреннего. Уходя далеко в глубь человеческой психики, мысли о противодействии государству и церкви, о мести, о восстановлении исторической справедливости и т. д. живут в ожидании «своего часа», чтобы прорваться наружу чудовищными взрывами общественных потрясений. Такие взрывы происходят в периоды нестабильности и иных социальных катаклизмов. Вполне возможно, что наблюдаемый сегодня по всему миру натиск многочисленных террористических групп, некоторые из которых пытаются террористическими методами решить вековые конфликты, есть не что иное, как проявление подобного рода психологии.

В настоящей работе автором предпринята попытка комплексного анализа криминологических и уголовно-правовых проблем терроризма и тесно примыкающих к нему других преступлений террористического характера.

Глава I. Террор и терроризм: проблемы понятийного аппарата

1.1. Основные подходы к юридическому определению терроризма

Прежде чем принимать законы, направленные против терроризма, и совершенствовать законодательство, необходимо четко определить само это явление. Отсутствие четкого определения терроризма становится важнейшим препятствием в разработке международного анти-террористического законодательства. Не имея твердого представления о терроризме, невозможно прийти к согласию в формулировании направленных против него законов. Хотя между 1936 и 1981 гг. было предложено более 100 определений терроризма (теперь их более 200), и попытки дать общепринятое определение этому явлению продолжают, это ничуть не приближает разработчиков к обнаружению «общего знаменателя».

Как явление терроризм имеет давние корни, но сами понятия «террор», «терроризм» и «террористический акт» появились сравнительно недавно. Слово «терроризм» применялось в период Французской революции между мартом 1793 г. и июлем 1794 г. и означало «правление ужаса»⁷. Согласно словарю Французской академии 1796 г., якобинцы часто употребляли понятие «терроризм» устно и письменно по отношению к себе и всегда с положительным оттенком⁸. Однако после 9 термидора слово «террорист» стало носить уже оскорбительный смысл, превратившись в синоним слова «преступник». Впоследствии этот термин получил более широкое толкование и стал означать всякую систему правления, основанную на страхе. Затем до самых недавних пор слово «терроризм» употреблялось настолько широко и означало столько различных типов насилия, что вовсе утратило какой-либо конкретный смысл.

Впервые попытка дать общеприемлемое понятие терроризма была предпринята на III Международной конференции по унификации уголовного законодательства (Брюссель 1930 г.), организованной Международной ассоциацией уголовного права. Но предложенное определение терроризма не отражало каких-либо характерных признаков этого явления, а лишь перечисляло деяния, которые следует рассматривать как проявление терроризма. А поскольку терроризм – явление многоликое и многомерное, то и перечень деяний, образующих терроризм, оказался весьма широким, позволяющим подвести под это понятие практически любое преступление. По этому поводу А. Н. Трайнин подметил, что «по существу трудно представить посягательство, не подпадающее под это определение»⁹.

На аморфность границ понятия «терроризма», принятого комиссией и предоставленного на рассмотрение III Международной конференции по унификации уголовного законодательства, указывали и многие ее участники, поэтому пленум отложил принятие окончательной резолюции¹⁰. Но и последующие варианты (предложенные на IV конференции по унификации уголовного законодательства (Париж 1931 г.)) оказались далеко не лучшими, поскольку во главу угла ставились не практические задачи борьбы с терроризмом как уголовно-пра-

⁷ *Петрищев В. Е.* История терроризма в России // Современный терроризм: состояние и перспективы / Под ред. Е. И. Степанова. М., 2000. С. 12.

⁸ *Алексеев Д.* Актуальность новых подходов в борьбе с терроризмом // Материалы Международной конференции 23–24 октября 2001 года. М., 2001. С. 55.

⁹ *Трайнин А. Н.* Защита мира и уголовный закон. Избранные произведения. М., 1969. С. 40–41.

¹⁰ *Ляхов Е. Г.* Политика терроризма – политика насилия и агрессии. М., 1987. С. 20.

вовым феноменом, а задачи борьбы с политическими противниками уголовно-правовыми средствами. Все позитивные наработки в части определения объективных признаков терроризма, содержащиеся в резолюциях III (Брюссель 1930 г.) и IV (Париж 1931 г.) конференций по унификации уголовного законодательства были как бы перечеркнуты пафосом политической борьбы, наполнившим резолюцию V конференции (Мадрид 1933 г.): терроризм в ней определялся как любое действие с целью разрушения социального строя. Поскольку названы конкретные признаки терроризма как самостоятельного преступления не были, упомянутые резолюции так и остались не востребованными официальными международными органами, работающими под эгидой Лиги Наций.

После убийства в 1934 г. короля Югославии Александра I и министра иностранных дел Франции Луи Барту Совет Лиги Наций по своей инициативе поставил вопрос о разработке коллективных мер по борьбе с терроризмом. Советом был образован комитет в составе представителей 11 государств, в том числе и Советского Союза, для разработки Международной конвенции, направленной на борьбу с терроризмом. Конвенция о борьбе с терроризмом содержала довольно широкое толкование терроризма. В качестве террористических актов в ней были названы: всякое умышленное действие, преследующее цель убийства глав государств или дипломатических ответственных должностных лиц государств; разрушение или повреждение государственного имущества или средств транспорта; действия, подвергающие опасности человеческие жизни. Особо была отмечена наказуемость создания преступных организаций в целях совершения террористических актов или участия в таких организациях. Но эта конвенция не была ратифицирована и, соответственно, не вступила в силу¹¹.

С обострением проблемы терроризма после Второй мировой войны многие государства вновь обратились к вопросу выработки определения терроризма. Эта работа велась как в рамках ООН, так и в рамках сотрудничества Европейских государств. Причем в рамках ООН эта работа осуществлялась по двум основным направлениям: 1) выработка всеобщей Международной конвенции по борьбе с терроризмом; 2) подготовка проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества.

Первая Международная конвенция по борьбе с подобными деяниями была заключена 2 февраля 1971 г. и касалась вопросов предупреждения и наказания преступных актов, имеющих международный характер и принимающих форму преступлений против указанных в конвенции лиц и сопряженных с этим вымогательств. В конвенции предусмотрена наказуемость похищений, убийств и других посягательств на жизнь или личную неприкосновенность лиц, которым государство обязано предоставить особую защиту в соответствии с нормами международного права, а также наказуемость связанных с этим деянием вымогательств.

В декабре 1972 г. Генеральная Ассамблея ООН в ходе рассмотрения вопроса о мерах, направленных на предотвращение терроризма и других форм насилия, которые угрожают жизни невинных людей или приводят к их гибели, или подвергают опасности основные свободы, приняла резолюцию № 3034¹². В соответствии с п. 9 данной резолюции в 1973 г. был учрежден Специальный комитет по вопросам международного терроризма¹³.

Параллельно государства – члены Европейского Совета – разработали Европейскую конвенцию по борьбе с терроризмом, которая была принята в Страсбурге 27 января 1977 г. В статье 1 Конвенции говорится об отказе признать терроризм политическим правонарушением и утверждается необходимость выдачи террористов иностранному государству как общеуголовных преступников. А к терроризму были отнесены следующие деяния:

¹¹ Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. Избранные произведения. М., 1969. С. 36.

¹² Действующее международное право. М., 1996. Т. 1.

¹³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 3034 (XXVII) (от 18 сентября 1972 г.) // <http://www.un.org/russian/terrorism/>

а) правонарушения, относящиеся к применению Конвенции по борьбе с преступным захватом летательных аппаратов, подписанной в Гааге 16 декабря 1970 г.;

б) правонарушения, относящиеся к применению Конвенции по борьбе с преступными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, подписанной в Лондоне 23 сентября 1971 г.;

в) тяжкие правонарушения, заключающиеся в покушении на жизнь, телесную целостность или свободу людей, имеющих право международной защиты, включая дипломатических представителей;

г) правонарушения, содержащие захват заложников или незаконное лишение свободы;

д) правонарушения, содержащие использование бомб, гранат, ракет, автоматического огнестрельного оружия, бандеролей или посылок с опасными вложениями, соразмерно с тем, насколько подобное использование представляет опасность для людей;

е) попытка совершения одного из вышеуказанных правонарушений или участие в качестве сообщника лица, которое совершает или пытается совершить подобное правонарушение.

Кроме того, статья 2 указывает, что под действие Конвенции могут подпадать деяния, которые хотя и не перечислены в статье 1, но направлены:

- против жизни, телесной целостности или свободы людей;
- против имущества и при этом создают коллективную опасность для людей;
- на приготовление, покушение или соучастие в этих преступлениях¹⁴.

Из сказанного видно, что и послевоенные конвенции, направленные на борьбу с терроризмом, мало преуспели в определении его понятия, поскольку к терроризму они причисляют практически любое насильственное преступление.

Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 52/164 и открытая для подписания всеми государствами с 12 января 1998 г., определяет, что любое лицо совершает преступление, если оно незаконно и преднамеренно доставляет, помещает, приводит в действие взрывное или иное смертоносное устройство в пределах мест общественного пользования, государственного или правительственного объекта, объекта системы общественного транспорта или объекта инфраструктуры или таким образом, что это направлено против них:

а) с намерением причинить смерть или серьезное увечье или

б) с намерением произвести значительное разрушение таких мест, объекта или системы, когда подобное разрушение влечет или может повлечь за собой причинение крупного экономического ущерба (п. 1 ст. 2). Любое лицо совершает преступление, если оно пытается совершить какое-либо из указанных выше преступлений (п. 2 ст. 2).

Используемый в конвенциях метод определения терроризма посредством перечисления конкретных деяний, в которых он может выразиться, вряд ли можно считать перспективным. В этой связи совершенно точными представляются следующие выводы, сделанные Т. С. Бояр-Созоновичем: «Не принижая роль и значение соответствующих международных “предметных” конвенций по борьбе с отдельными видами и формами международного терроризма, вместе с тем нельзя не принять во внимание их ограниченность. Даже в совокупности они не представляют собой упорядоченной и скоординированной системы мер... Кроме того, по мере развития науки и техники постоянно будут возникать новые виды и формы терроризма, которые на каком-то этапе выпадут из поля действия международных “предметных” конвенций”¹⁵.

¹⁴ Европейская конвенция о пресечении терроризма (Страсбург, 27 января 1977 г.) // Собрание законодательства РФ. 2003. 20 янв. № 3. Ст. 202.

¹⁵ Бояр-Созонович Т. С. Международный терроризм: политико-правовые аспекты. Одесса, 1991. С. 119–120.

Таким образом, работа, осуществляемая в данном направлении, не снимает с повестки дня необходимости разработки универсального международно-правового документа, который охватил бы всю проблему в целом.

Е. Г. Ляхов приводит цитату из трактата по «Международному уголовному праву», вышедшего в США, где указывается на объективные трудности выработки общепринятого юридического определения терроризма, связанные с тем фактом, что это слово может означать «террор», «варварство», «устрашение», а также целую серию различных актов, включая насилие¹⁶. Участники V Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1975 г.) пришли к выводу, что чрезвычайно трудно дать более или менее точное определение терроризма¹⁷.

При выработке универсального международно-правового документа, охватывающего всю проблему в целом, очевидно, основное внимание должно быть обращено на определение общего понятия терроризма и установление его отличительных признаков. Те или иные отличительные признаки терроризма с достаточной степенью полноты уже охарактеризованы как в международных документах, так и в научной литературе и нашли свое законодательное закрепление в уголовных кодексах многих государств. Поэтому, как правильно считает В. П. Емельянов, основная задача научных исследований в настоящее время должна состоять в том, чтобы все эти признаки учесть, сгруппировать и синтезировать в общем определении терроризма, позволяющем четко отграничить его от смежных понятий, а состав терроризма – от смежных составов преступлений¹⁸. Но и этот ученый не вносит ясности в вопрос о том, что есть терроризм, поскольку допускает методологические ошибки, которых не удавалось избежать многим его предшественникам.

«Терроризм – определяет он, – это совершение или угроза совершения взрыва, поджога или иных общеопасных деяний, могущих повлечь гибель людей или иные тяжкие последствия и направленных на устрашение населения в целях понуждения государства, международной организации, физического или юридического лица или группы лиц к совершению или отказу от совершения какого-либо действия».

Акт терроризма – это совершение конкретного деяния, обладающего признаками состава терроризма.

Терроризм (акт терроризма) следует рассматривать как составную часть в системе преступлений террористического характера (террористической направленности). К категории этих преступлений исследователь относит терроризм, террористический акт и другие преступления (захват заложников, похищение человека, захват зданий, сооружений, водного или воздушного судна, железнодорожного подвижного состава и т. д.), если эти деяния совершаются публично, направлены на устрашение населения в целях оказания влияния на принятие какого-либо решения или отказ от него. Совершение любого деяния, обладающего указанными признаками преступлений террористического характера (террористической направленности), предлагается обозначить категорией «террористическая акция», которая по своему содержанию охватывает и акт терроризма, и террористический акт, и любое другое преступление террористического характера¹⁹.

Определяя понятие «террор», американские авторы (В. Маллисон и С. Маллисон) отмечали, что «террор есть систематическое использование насилия или угрозы насилием для

¹⁶ Ляхов Е. Г. Политика терроризма – политика насилия и агрессии. М., 1987. С. 20.

¹⁷ Доклад Пятого конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Нью-Йорк, 1976. С. 35–36.

¹⁸ Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования (уголовно-правовое исследование). М., 2000. С. 22.

¹⁹ Емельянов В. П. Террористический акт и акт терроризма: понятие, соотношение и разграничение // Законность. 2002. № 7.

достижения публичных или политических целей». А терроризм – это «применение негосударственного насилия или угрозы насилия с целью вызвать панику в обществе, ослабить положение и даже свергнуть должностных лиц и вызвать политические изменения в обществе»²⁰.

Б. Крозье – директор лондонского института по изучению конфликтов, по-английски кратко: «Терроризм есть мотивированное насилие с политическими целями»²¹.

Более широко и неопределенно террор трактуется в книге «Международный терроризм и всемирная безопасность»: террор – это угроза насилием, индивидуальные акты насилия или компании насилия, ставящие своей целью, в первую очередь, последовательно внушать страх – терроризировать²².

Немецкий ученый Х.-Ю. Кернер определяет терроризм как наивысшую степень проявления экстремизма²³.

В выступлении генерального докладчика V Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями отмечалось, что пытки и терроризм представляют собой две стороны одного и того же зла, которое заключается в применении насилия с целью заставить людей под страхом страданий или смерти подчиниться воле государственного аппарата, отдельных лиц или группы лиц²⁴.

В научном мире на различных симпозиумах и конференциях чаще используются определения, которые приводились в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН в 1976 г. Наиболее точно (хотя далеко не полно), с нашей точки зрения, суть терроризма определил известный американский политолог Р. Арон. Он считает, что акт насилия следует рассматривать как терроризм в том случае, когда его психологический эффект обратно пропорционален его истинным физическим результатам²⁵. Э. Аречага (Индия) смешивает признаки терроризма и террора. Он определяет терроризм как акты, сами по себе являющиеся традиционными формами общеуголовных преступлений, но совершаемые преднамеренно с целью вызвать панику, беспорядок и террор в организованном обществе, разрушить общественный порядок, парализовать противодействие террору со стороны общественных сил и интенсифицировать беды и страдания общества²⁶.

После событий 11 сентября в США Т. П. Ондек и Т. А. Келли (США) – руководители компании, в чьи обязанности входит борьба с массовым терроризмом – определили терроризм как «способ, с помощью которого те, кто считает себя ущемленным в своих правах и кому не достает военной, экономической или политической силы для осуществления своих целей, заставляют воспринимаемых ими врагов идти на необходимые политические уступки с помощью угроз»²⁷.

Другое, поспешно выработанное в Брюсселе в декабре 2001 г. министрами юстиции и внутренних дел 15 стран Европейского Союза определение терроризма рассматривает его как «преступные действия, направленные против граждан, их запугивание и угрозы физической

²⁰ Шрагин В. О. Глобальный терроризм США. М., 1991. С. 86.

²¹ Там же. С. 90.

²² International Terrorism and World Security. L., 1975. P. 14.

²³ Криминология: Словарь-справочник / Пер. с нем.; отв. ред. перевода А. И. Долгова. М., 1998. С. 322.

²⁴ Доклад Пятого конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Нью-Йорк, 1976. С. 125–126.

²⁵ Мартыненко К. Б. Теоретико-правовые вопросы политического терроризма (на примере России конца 80–90-х годов XX века): Дис... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999. С. 32.

²⁶ The Indian Journal of International Law. Vol. XVII. 1977. № 1. P. 70.

²⁷ Ондек Т. П., Келли Т. А. Активное применение проверенных методов расследования для борьбы с массовым терроризмом // Материалы Международной конференции 23–24 октября 2001 года. М., 2001.

расправой, против национальных и международных организаций, против политических, экономических, конституционных и социальных устоев государства»²⁸.

Отечественными учеными также предпринимались и предпринимаются попытки точно определить терроризм. При этом авторы в своих научных изысканиях ориентируются на словари, в которых, в большинстве своем, вовсе не дается определение терроризма, а просто поясняется его суть, без определения признаков. Так в словаре С. И. Ожегова «террор» рассматривается как устрашение противника путем физического насилия, вплоть до уничтожения, а «терроризм» – как практика террора²⁹. В «Кратком политическом словаре» «террор» трактуется как политика устрашения, насилия и расправы с политическим противником вплоть до физического его уничтожения. Под «террористическим актом» понимается нанесение тяжкого телесного повреждения физическому лицу в связи с выполнением им политических задач³⁰. Словарь иностранных слов не содержит понятия терроризма, но объясняет слово «терроризировать»: 1) преследовать, угрожая расправой, насилиями; 2) запугивать, держа в состоянии страха³¹.

«Терроризм, – считает В. В. Витюк, – это: а) тактика политической борьбы, связанная с сознательным и систематическим осуществлением насильственных действий. Политическая сущность отличает терроризм от “уголовной” преступности; б) не просто физическое устрашение тех или иных влиятельных лиц, но и устрашение правительств или социальных групп; в) тактика, состоящая в систематической организации политических убийств без связи с революционной борьбой масс»³².

На заседании «круглого стола» журнала «Государство и право», посвященном психологическим корням и правовым оценкам терроризма, С. А. Эфиров высказал следующую мысль: «В широком смысле понятие терроризма можно употреблять как объединяющее нелегальную подрывную деятельность и все виды государственного террора, террористической политики и геноцида»³³.

Ю. М. Антонян считает, что насилие может называться террористическим только тогда, когда оно совершается ради устрашения кого-нибудь. Терроризм он определяет и как все явление в целом, и как отдельные террористические акты. Под террором исследователь понимает реализацию терроризма в течение более или менее длительного времени и, как правило, на значительной территории в отношении многих людей³⁴.

Выступая на Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, 13 мая 2003 г.) «Совершенствование правовой базы и взаимодействия правоохранительных органов различных государств в борьбе с терроризмом и экстремизмом», профессор Р. А. Ромашов отметил, что террористический акт – это единичный случай проявления террора, а терроризм – это динамическая система осуществления террора, это экстремальная политика.

Иногда различие между понятиями «террор» и «терроризм» проводят по характеру действий: террор – это открытые, демонстративные действия, а терроризм реализуется в конспиративных, нелегальных действиях³⁵. Террор рассматривается как социально-политическое

²⁸ Цит. по: Кудинов В. П. Глобализация международного терроризма: откуда исходят угрозы миру // Антитеррор. 2002. № 1.

²⁹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 824.

³⁰ Краткий политический словарь. М., 1987. С. 257.

³¹ Словарь иностранных слов. 10-е изд., стереотип. М., 1983. С. 494.

³² Витюк В. В. Социальная сущность и идейно-политические концепции современного левого терроризма: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1981. С. 7.

³³ Государство и право. 1995. № 4.

³⁴ Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998. С. 11.

³⁵ Будницкий О. В. История терроризма в России в документах, библиографиях, исследованиях. Ростов-н/Д, 1996. С. 13.

явление государственного или межгосударственного характера, а терроризм – как социальное явление, становящееся крайней реакцией на кризис в обществе³⁶.

В политической, социологической, публицистической литературе понятия «террор», «терроризм» и «террористический акт» чаще всего идентифицируются по своему смысловому значению и используются как синонимы. Такая идентификация указанных понятий удобна именно с позиции «лексического обихода» в утилитарном отношении, но она же создает определенные трудности и проблемы методологического характера. Расширительное понимание терроризма, включающее такие сходные понятия, как «террор», «террористический акт», «мятеж», «геноцид» и др., мешает видеть истинный смысл самого терроризма. Само слово «террор» пришло из латинского языка и означает «страх», «ужас». Поэтому любой акт насилия, убийство, нанесение увечья, захват заложника и др. могут рассматриваться как терроризм лишь постольку, поскольку они преследуют цель кого-то устрасить, запугать, повергнуть в ужас. В этом случае названные понятия являются вполне идентичными по своему значению, однопорядковыми. Однако применительно к субъекту и объекту преступления такого рода идентификация рассматриваемых понятий нивелирует специфику конкретной политической ситуации, в которой акт терроризма совершается. Поэтому представляется правильной точка зрения В. Замкового, М. Ильчикова, Д. А. Шестакова, относящих «террор» к политическим силам, находящимся во власти, опирающимся на властные структуры и репрессивный аппарат подавления (армию, МВД, спецслужбы и т. д.). «Террор» осуществляют политические силы, объективно являющиеся более сильной стороной в конфликте и противоборстве. Понятие же «терроризм» следует относить к действиям оппозиционных сил, выступающих против властей предрержащих и объективно являющихся стороной более слабой.

Такого рода трактовка соотношения понятий «террор» и «терроризм» в основном совпадает с дихотомией репрессивного и субрепрессивного террора³⁷. Террор, отмечает профессор Д. А. Шестаков, устрашающие, агрессивные (связанные с лишением жизни, свободы, причинением вреда здоровью) действия легальных властей по отношению к населению собственной страны либо связанные с их вмешательством в другие страны. Терроризм – подобные действия, совершаемые в тех же целях, но не государством, а нелегитимными группами или отдельными людьми. Террор и терроризм взаимообусловлены как две стороны (легальная и нелегальная) борьбы за государственную и надгосударственную власть³⁸.

Аналогичной позиции придерживаются и некоторые западные террорологи³⁹. Так, польский ученый А. Бернгард в своей книге «Стратегия терроризма» пишет: «Террор является насилием и устрашением, используемым объективно более сильным в отношении более слабых; терроризм – это насилие и устрашение, используемые более слабыми в отношении более сильных»⁴⁰.

Таким образом, несмотря на обилие литературы по проблемам терроризма, множество проведенных симпозиумов, конференций, круглых столов и других форм научных дискуссий, ни зарубежным, ни отечественным ученым не удалось договориться о том, что следует понимать под терроризмом, и о терминологическом ограничении его от смежных понятий. Это явление действительно связано с философскими, религиозными, психологическими пробле-

³⁶ Никитин А. В. Терроризм как форма девиантного поведения (криминологический аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 7.

³⁷ Замковой В. И., Ильчиков М. З. Терроризм – глобальная проблема современности. М., 1996. С. 9.

³⁸ Шестаков Д. А. Терроризм и террор – взаимообусловленные преступления (политико-криминологическое эссе) // Следователь. 2003. № 2.

³⁹ Термин «террорология», на наш взгляд, лингвистически точнее, чем традиционно употребляемый учеными, политиками и журналистами термин «террология». Причем не следует ограничивать предмет террорологии только лишь одним терроризмом. На наш взгляд, предмет террорологии значительно шире и включает в себя, помимо терроризма, террор, преступления террористического характера и террористической направленности.

⁴⁰ Berngard A. Strategia terrorizmu. Warszawa, 1978. P. 22.

мами, связано с историческими и политическими процессами, традициями жизни наций, религий и государств. Но самым главным фактором, затрудняющим единый подход к определению терроризма и его юридическое оформление, а как следствие – и выработку согласованных, объединенных международных мер по борьбе с ним, является крайняя политизированность оценок, в особенности, когда речь идет о государственном и межгосударственном терроризме. Так, в некоторых источниках помощь СССР Республике Куба рассматривается как способствование терроризму на уровне государственной политики. Государственным терроризмом признаются и операции США, направленные против Ливии и Ирака как «источников агрессии и терроризма», а в действительности преследующие цели «наведения порядка» в нефтедобывающем регионе планеты⁴¹. В свою очередь президент США в своем выступлении говорит о силах сопротивления в Ираке как о террористических, называя вооруженные силы США в Ираке – освободителями. В Великобритании с терроризмом связывают насильственные действия в Северной Ирландии, в Израиле терроризмом считается деятельность ООП, в России – деятельность сил сопротивления на территории Чечни и т. д.⁴²

Таким образом, лозунг борьбы с терроризмом активно используется для оправдания деяний, совершаемых в политических целях: ради упрочения политической власти, устранения политических оппонентов, пресечения законной оппозиции и/или подавления сопротивления военной оккупации.

Действительно ли терроризм – явление настолько сложное, что его невозможно определить? Вызывают большие сомнения ссылки ученых и политиков на возникающие трудности. Не может такого быть, чтобы человечество, успешно расщепившее атом, на 99,9 % разгадавшее генетический код человека и решившее массу других задач точных наук, не могло справиться с одной гуманитарной проблемой. Тому, что мировое сообщество не может прийти к единому мнению по этому вопросу, находится только одно объяснение – нежелание государств лишиться идеального во всех отношениях инструмента решения неограниченного числа задач. Терроризм не представляет собой проблему, которая сопряжена с какой-то отдельной этнической или религиозной группой. Напротив, терроризм используется как тактика практически во всех частях мира, без каких бы то ни было различий в плане богатства, половой принадлежности или возраста жертв, которыми в основном являются мирные жители. «В настоящее время, – отмечается в докладе Рабочей группы по разработке политики по вопросу о роли ООН в связи с терроризмом, – мы, бесспорно, стали свидетелями использования терроризма как стратегии»⁴³.

Законодательное решение проблемы понятийного аппарата терроризма позволит подвергать юридической оценке все то, что стало причиной конкретного акта терроризма, а это может выявить истинное содержание терроризма и обнаружить не только исполнителей акта терроризма, но и его организаторов и финансистов. Видимо, человечество еще не достигло того уровня, когда терроризм станет ненужным в качестве средства решения большого круга задач. «В этих условиях, – считает профессор А. И. Гуров, – политически очень выгодно оставлять проблему точного определения терроризма неразрешенной»⁴⁴.

Как бы то ни было, все размышления по этому вопросу сводятся к тому, что терроризм – это деяние, вызывающее страх, беспокойство, ужас, страдания одновременно у множества людей. Но эти чувства способны вызвать и другие деяния, например, бандитизм, массовые беспорядки, банальное хулиганство и вообще уличная преступность. Поэтому возникает необ-

⁴¹ Примаков Е. М. Мир после 11 сентября. М., 2002. С. 113–136.

⁴² Овчинникова В. Г. Терроризм. Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе / Науч. ред. проф. Б. В. Волженкин. СПб., 1998. С. 8.

⁴³ Доклад Рабочей группы по разработке политики по вопросу о роли Организации Объединенных Наций в связи с терроризмом // <http://www.un.org/russian/terrorism/>

⁴⁴ Гуров А. И. О некоторых аспектах борьбы с терроризмом // Защита и безопасность. 2003. № 2.

ходимость четкого определения круга деяний, обладающих свойством массового устрашения, и проведения разграничения смежных с терроризмом понятий.

1.2. Критерии разграничения терроризма и смежных с ним явлений

За последние годы проведено много социологических опросов населения и специалистов с целью выяснения различных аспектов терроризма⁴⁵. Для последующего изложения материала интерес представляет отношение людей к этому явлению, то, как они понимают, в чем терроризм проявляется и кто такие террористы.

Наш опрос показал, что чуть более 17/29 % опрошенных лиц (мужского/женского пола) понимают терроризм как любые убийства, совершенные путем взрыва, 12/26 % отождествляют терроризм только со взрывами, 32,6/22,2 % понимают его как любую преступную деятельность этно-национальных групп, 16,2/36,5 % – преступную деятельность религиозных или этно-национальных групп, преследующих политические цели.

42/47 % опрошенных признают террористами лиц, исповедующих ислам, 46/32 % – преступников из числа выходцев с Кавказа (большинство из них слова «террорист» и «чеченец» рассматривают как синонимы – 58/46 %), 19 % считают террористами тех, кто совершает взрывы.

Опрос сотрудников правоохранительных органов показал, что 46,3 % рассматривают терроризм как уголовное преступление, при этом выделяют только один способ его совершения – взрыв, 29 % указали еще на некоторые признаки терроризма, закрепленные в ст. 205 УК (взрыв, устрашение, принуждение). Террористами признают экстремистов (18 %), религиозных фанатиков (46 %), выходцев с Кавказа (21 %).

Важно отметить, что 92 % опрошенных пользуются только одним источником информации – телевидением, 8 % наравне с телевидением называли и иные средства массовой информации (газеты, радио, Интернет). Значит, общее представление о терроризме формирует телевидение, выступающее мощнейшим средством массового воздействия на умы и чувства людей. Это подтверждает мнение ведущего российского специалиста в отрасли криминологии массовой коммуникации профессора Г. Н. Горшенкова, рассматривающего информацию в качестве социального оружия⁴⁶.

В целом, и наш опрос показал, что люди, даже специалисты в области противодействия преступности, совершенно не ориентируются в явлении, которое, казалось бы, направлено против них, которое ставит их существование в зависимость от миропонимания и мироощущения террористов.

Результаты опроса не должны удивлять, так как нет понимания этих вопросов и в среде ученых. Предлагая массу вариантов определений терроризма, исследователи еще ни разу не предпринимали попыток выработать методику, которая позволяла бы более или менее точно определять терроризм и отличать его от иных понятий. Отсутствие методик установления признаков следует рассматривать как главную причину того, что слово «терроризм» не имеет точной или широко принятой юридической дефиниции. Это является одним из факторов, который как раз и позволяет терроризму столь свободно развиваться и очень облегчает жизнь террористам.

Понятие «терроризм» тесно связано с этимологией и трактовкой таких слов, как «террор» и «террористический акт». Однако нельзя считать, что все три понятия относятся к четко

⁴⁵ Ольшевский Д. В. Психология терроризма. СПб., 2002. С. 14.

⁴⁶ Горшенков Г. Н. Массово-коммуникативное воздействие на криминологическую ситуацию. Сыктывкар, 1997; Горшенков Г. Н., Климова Ю. Н. Политическая преступность и средства массовой коммуникации в период выборов // Московский гуманитарно-экономический институт. Нижнекамский филиал. Вестник научных трудов. Серия 8. Политическая криминология. Нижнекамск, 2002. С. 17.

определенным и ясно идентифицируемым фактическим событиям⁴⁷. Здесь мы имеем дело с редкой в правовой доктрине ситуацией, когда термин имеет весьма широкое значение. Тем не менее эффективность решения любой проблемы во многом зависит от точности и полноты ее определения.

В научной работе бывает целесообразным, особенно в тех случаях, когда разрешение какой-либо проблемы представляется чрезвычайно трудным, привлечь к ее разрешению еще и другую, каким-то образом связанную с главной, проблему – ведь легче же расколоть сразу два ореха. В этих целях и нам придется привлечь к разрешению проблемы определения терроризма еще две смежные проблемы – определение террора и террористического акта. При выработке терминологического аппарата в первую очередь необходимо установить связь и провести разграничение между этими тремя понятиями. По выполнении этой задачи можно будет приступить и к не менее сложному и важному делу – классификации терроризма. Задача отграничения смежных с терроризмом понятий – это сложная задача, но, на наш взгляд, ее можно решить, если пользоваться следующим алгоритмом, позволяющим определить признаки каждого из явлений. Для этого необходимо установить:

а) статус лица (лиц), осуществляющего акт насилия (юридическое или физическое лицо, наделено оно или нет правом определения внутренней или внешней политики государства);

б) цели субъекта преступной акции (прекращение государственной или общественной деятельности жертвы; принуждение посредством предварительного устрашения к определенным действиям; целенаправленная политика насилия в отношении определенных слоев общества или определенных наций, народов, конфессий);

в) круг лиц, против которых направлено деяние (статус жертвы, ее индивидуальная определенность или неопределенность);

г) средства осуществления преступных акций и их масштабы (масштабность преступных действий и их последствий; использование государственных органов принуждения);

д) правовую базу осуществления акции (наличие или отсутствие законодательной основы; точное соответствие акции нормам закона; соответствие самого закона общепринятым нормам Международного права);

е) продолжительность преступной акции.

Определяя признаки каждого из этих понятий, необходимо опираться на фактический материал, в котором нет недостатка, и его можно почерпнуть из истории любого государства. Но лучшими примерами для определения признаков указанных понятий все-таки являются эпохи революций, тоталитаризма и фашизма. В эти периоды истории человечества смерть и угроза ее причинения были основным регулятором отношений людей и управляли жизнью целых стран. Смерть выступала в качестве основного способа реализации идей и решения возникающих проблем, что и позволило профессору Ю. М. Антоняну называть эти эпохи «некрофильскими»⁴⁸.

1. Субъект преступных действий. Упрощенно отвечая на традиционный вопрос «Кто виноват?», можно обвинить в революционном терроре Ленина, в массовых репрессиях – Сталина⁴⁹, в преступлениях фашистов – Гитлера. Хотя возможно, что непосредственными испол-

⁴⁷ Замковой В. И., Ильчиков М. З. Терроризм – глобальная проблема современности. М., 1996. С. 8.

⁴⁸ Антонян Ю. М. Убийства ради убийства. М., 1998. С. 16.

⁴⁹ В наши цели не входит исследование проблемы, относить или нет Ленина и Сталина к террористам. Одни авторы считают их террористами, другие нет, третьи не приемлют и саму постановку такого вопроса. Не вступая в дискуссию, отметим, что судить нужно не по лозунгам, под которыми истреблялся цвет русской нации (Ленин) или уничтожались целые народы (Сталин, Гитлер), а по реальным последствиям, к которым привела политика террора. Однако ставить знак равенства между коммунизмом и фашизмом, как это делает Ю. М. Антонян, никак нельзя, потому что это совершенно противоположные идеологии. См., например: Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998; Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования (уголовно-правовое исследование). М., 2000; Лунев В. В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М., 1999; Политический режим и преступность. СПб., 2001;

нителями преступлений они и не были, но создали такую систему государственной власти, которая только и могла реализовать их политику всеобъемлющего террора. Следовательно, инициатива преступных действий, определяемых как террор, исходит от высших должностных лиц, наделенных правом определения внутренней и внешней политики государства. Сказанное покажется не вполне верным применительно к Ленину, поскольку в начальный период своей революционной деятельности он не только не обладал правом определения политики России, но и был преследуем официальной властью как государственный преступник. Постановление СНК, узаконившее «красный террор», было им подписано лишь 5 сентября 1918 г., то есть тогда, когда власть революционеров окрепла и сравнялась или даже стала превосходить по мощи легальную власть. Этот период истории можно охарактеризовать как период перерастания терроризма в террор. Из этого следует, что в революционный период субъектом террора может выступать и неофициальная власть, которая хотя бы на какое-то время перехватила у официальной власти инициативу определения внутренней и (или) внешней политики государства. В случаях равенства сил (политических, идеологических, военных, финансовых возможностей противников) действия обеих конфликтующих сторон, направленные на перелом сложившейся ситуации в свою пользу путем устрашения противника применением широкомасштабного насилия в отношении как собственно противника, так и гражданского населения, также следует рассматривать как террор. Напротив, действия более слабой стороны конфликта, даже если она и пользуется методами сильной стороны (применяет насилие для устрашения), следует рассматривать не как террор, а как терроризм. Значит, террор и терроризм можно рассматривать как противоборство двух субъектов, один из которых (более сильный) *юридически* или *фактически* обладает правом или реальными возможностями определять внутреннюю или внешнюю политику государства. Другая сторона конфликта (слабая) может *юридически* обладать правом определения такой политики государства, однако *фактически* не способна этого сделать в силу своей слабости, в том числе и нелегитимности.

Субъектами терроризма выступают индивиды (психически больные, с обостренным чувством справедливости, религиозные фанатики и т. д.), а также политические партии, движения и организации. Следовательно, если субъектом террора является официальная (легитимная или нелегитимная) либо неофициальная (но легитимная, имеющая массовую поддержку в обществе) власть, то круг субъектов терроризма может быть значительно шире, чем круг субъектов террора. Более того, субъекты терроризма чаще всего действуют анонимно (особенно если террористами являются индивиды) и независимо от официальной власти. Причем террористические организации, партии и движения, действующие автономно, лишь в очень редких случаях идут на контакты с властью (как правило, с властью другого государства), получая от нее инструкции, материальную, финансовую и другую помощь. В этом случае в зависимости от масштабов действий организации ее деятельность можно рассматривать как террор одного государства (спонсирующего террористическую группу) в отношении другого (на территории которого или против которого действует группа). Субъекты (непосредственные исполнители) террора, как было отмечено, всегда реализовывают политику государства и не могут существовать, тем более масштабно действовать автономно и анонимно, поскольку находятся на довольствии у покровительствующей им официальной политической власти государства. Поэтому представляется ошибочным отнесение учеными действий народников и эсеров в России к террору. Их преступления в отношении государственных деятелей России следует рассматривать либо как терроризм (когда ставилась цель запугать всю официальную власть), либо как террористические акты (когда преступление было совершено против конкретного государственного деятеля без цели общего запугивания).

Если вернуться к конфликтам сегодняшнего дня, в частности к событиям в бывшей Югославии, то деяния всех трех противоборствующих сторон (боснийцев, сербов, хорватов) можно квалифицировать как террор. К такому выводу приводит анализ практики обращения с лицами, заключенными в лагеря. По мнению международных наблюдателей, из всех противоборствующих сторон в бывшей Югославии только сербы действовали по столь четкой схеме и столь масштабно, что становилось ясно – это осознанное проведение в жизнь политики, продуманной на самом высшем политическом уровне. Политика эта была направлена на продолжение «этнических чисток», терроризирование несербского населения с целью заставить его бежать. А в концентрационных лагерях в городах Омарск и Сусица целью политики террора было физическое уничтожение мусульман, в особенности тех, которые могли бы претендовать на лидерство⁵⁰. В случае с хорватами правонарушением потворствовала высшая политическая власть Хорватии, которая несет прямую ответственность за такие преступления, как последовавшие за военными успехами хорватской армии в Крайне летом 1995 г. продолжительные артиллерийские обстрелы «по квадратам» восточной части Мостара, поджоги зданий, убийство 320 мирных сербских жителей, преимущественно стариков⁵¹. В случае с боснийцами жестокость – это пятно на репутации боснийского правительства, хотя еще не выяснено, совершались ли эти преступления по приказу высших должностных лиц государства, с их ведома, либо они просто смотрели на происходящее «сквозь пальцы». Но то обстоятельство, что боснийское правительство оперативно арестовало лагерную администрацию и немедленно вслед за предъявлением им обвинения отправило их под Международный трибунал по нарушениям гуманитарного права на территории бывшей Югославии, созданного Резолюцией ООН № 808 от 22 февраля 1993 г., позволяет предположить: гражданские чиновники высокого ранга не опасались, что разоблачительные показания арестованных затронут их самих.

Ниже нами обосновывается предположение, что многие страны намеренно культивируют у себя терроризм в контролируемых масштабах. В этом случае акты терроризма совершаются самой властью для их последующего использования в политических целях (ограничения свободы слова, консолидации общества перед угрозой общего врага, устранения политического противника и т. д.). Хотя исследователи отказываются признать государство в качестве субъекта терроризма (В. В. Устинов)⁵², представляется, что в некоторых случаях государство, использующее терроризм как предлог для проведения определенного рода внешней или внутренней политики, может быть субъектом терроризма, если терроризм рассматривать исключительно как социально-политическое явление, а не как уголовное преступление.

Инициатором (организатором) террористического акта также может быть легальная государственная власть (вспомним, например, убийство Кирова, Троцкого). Террористический акт может быть организован и политической партией (например, каждый отдельно взятый акт насилия народовольцев, эсеров и анархистов в отношении высших должностных лиц Российской империи). Субъектом террористического акта может быть и индивид, например личность с обостренным чувством справедливости, по своей инициативе принявшая решение совершить убийство государственного или общественного деятеля (покушение на жизнь градоначальника Петербурга Ф. Ф. Трепова, совершенное В. Засулич, покушение на жизнь Александра II, совершенное Д. Каракозовым, покушение на жизнь Л. И. Брежнева, совершенное В. Ильиным и др.).

Таким образом, лица, наделенные государственно властными полномочиями выступают субъектами и террора, и терроризма, и террористического акта. Политические партии и инди-

⁵⁰ Найер А. Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие / Пер. с англ. М., 2000. С. 209.

⁵¹ Эти цифры приведены в докладе Совета Безопасности ООН от 22 декабря 1995 г.

⁵² Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. М., 2002. С. 19.

виды не могут быть субъектами террора, но могут являться субъектами терроризма и террористического акта.

2. *Цели преступных действий.* Каждый из вышеназванных правителей организовывал и санкционировал массовые преступления, декларируя высокие цели. Ленин говорил о мировой революции, о диктатуре пролетариата, об уничтожении буржуазии как класса, о насаждении коммунистической идеологии, об экспроприации и т. д. Целью Сталина было продолжение дела Ленина (соответственно, достижение тех целей, которые тот преследовал, например, подписывая директивы о терроре), создание единой общности «советский народ». Гитлер стремился к порабощению мира, установлению превосходства арийской расы и ее чистоты, Мао Цзэдун – к осуществлению земельной реформы и культурной революции, Пол Пот ставил перед собой задачу совершения тотальной социальной революции и т. д. Абсолютизация власти диктатора всегда является необходимым звеном в цепи достижения глобальной цели.

Если взять современный период истории, то можно сказать, что традиционные цели, преследуемые конфликтующими сторонами, – захват территорий, подчинение себе другой стороны, – отходили на второй план, а может быть, и вовсе не ставились теми, кто организовывал террор в Руанде и в бывшей Югославии. Целью террора в Боснии были «этнические чистки». Целью осады Сараево и восточной части Мостара было уничтожение мусульман и ликвидация всего того, что символизировало космополитический уклад жизни и этнический, религиозный, культурный плюрализм. В Руанде – физическое истребление народности тутси (в результате за три месяца было перебито 800 тыс. человек). Мирные жители и гражданские объекты не были случайными, «побочными» жертвами, неизбежными при правомерном, в смысле обычаев войны, уничтожении военных объектов. Изгнать или уничтожить гражданское население и памятники его культуры – такова была долговременная задача политиков Сербии, Боснии, Хорватии и т. д.

Следовательно, субъекты террора всегда преследуют масштабные, а иногда и глобальные цели, которые в их представлении имеют историческое значение для их народа, их государства или цивилизации (построение социализма, мировая революция, освобождение народа и т. д.).

Субъекты терроризма, как правило, не преследуют столь глобальных целей. В тех случаях, когда масштабные цели все же ставятся (например, народовольцы стремились к переустройству общества на социальных началах), их реализация оказывается террористам не под силу, поскольку возможности официальной власти достаточны для нейтрализации опасной деятельности, сохранения своего положения и продолжения той политики, которую она считает целесообразной. Следовательно, при разграничении терроризма и смежных с ним понятий нужно принимать во внимание не только саму конечную цель, но и вероятность ее достижения субъектом. А она, как отмечает Н. Д. Литвинов, может зависеть от различных факторов: соответствия идеи интересам той или иной части общества, мощности террористической организации, прочности власти и т. д.⁵³

Целеполагание преступников при политическом терроризме ограничиваются какой-то сферой государственной политики. Часто террористы стремятся скорректировать политику государства в определенной социальной сфере (экономике, экологии, национальной политике и т. д.), продемонстрировать свою силу (заявить о себе как о политической силе) либо ищут наживы (вымогают крупные суммы денег). При этом сам акт терроризма является промежуточным звеном в достижении конечной цели. Последнее относится и к тем случаям, когда субъектом терроризма является легальная государственная власть.

Многочисленные террористические организации, которые в настоящий период действуют в различных регионах мира, иногда преследуют (а чаще просто декларируют для заву-

⁵³ Литвинов Н. Д. Роль идеи в развитии антигосударственного терроризма: Монография / Под ред. С. Е. Вицина. Воронеж, 1999. С. 15.

алирования истинных корыстных мотивов) глобальные цели, что, как отмечалось, также свойственно и субъекту террора.

Так, террористические организации Ближнего Востока стремятся к освобождению оккупированных территорий, ликвидации государства Израиль, пресечению экспансионной политики Запада. Террористическая организация «ИРА» борется за освобождение Ольстера. Основной задачей кашмирских террористических групп является ликвидация власти Индии над данным регионом.

Упомянутые террористические организации, какими бы они ни были по численности, оснащенности и т. д., нельзя считать субъектами террора, поскольку они не обладают его главным признаком – легальной властью, и, соответственно, не могут определять политику государства. Сказанное вовсе не означает, что названные террористические организации не влияют на государственную политику. Несомненно, они оказывают определенное (как правило, негативное) воздействие на политику государства, но *не определяют* ее. Так, кашмирские террористы, осознавая свою несостоятельность в достижении поставленной стратегической цели, стремятся нанести Индии любой, но как можно больший урон, усугубляя и без того непростые отношения между Пакистаном и Индией⁵⁴. Следовательно, субъекты терроризма во всех случаях преследуют более локальные цели, нежели субъекты террора.

Еще более локальные цели преследуют субъекты террористического акта – нейтрализация конкретной личности, занимающейся определенной деятельностью. Но это опять же не означает, что террористический акт не может повлечь за собой глобальных последствий, которые выходят за рамки ожиданий субъекта. Так, убийство эрцгерцога Фердинанда – террористический акт – стало поводом для начала Первой мировой войны. Между тем сам убийца (Г. Принцип) и стоявшие за ним сербские националисты вряд ли преследовали подобные цели и вряд ли могли предположить, что это убийство будет иметь такие трагические для многих народов мира последствия.

3. *В отношении кого осуществлялись преступные акции? Кто становился их жертвой?* Жертвами террора всех вышеназванных правителей становились индивиды, партии, нации, народы и государства, которые стояли на пути к достижению поставленных стратегических целей. Тактика заключалась в содержании и поддержании репрессивного аппарата в постоянном «рабочем состоянии», в состоянии, вызывающем всеобщий психоз. Поэтому репрессии в отношении ни в чем не повинных личностей, партий, народов и государств были постоянной и неременной составляющей всей внутренней и внешней политики субъектов террора.

Террор чаще всего носит «адресный» характер (интеллигенция, врачи, кулаки, чеченцы, евреи, цыгане и т. д.). Жертвы обречены, ибо они точно определены по характеризующему их признаку и весь репрессивный аппарат государства работает только в отношении конкретно определенной жертвы (в широком смысле слова)⁵⁵. Так, Пол Пот определял интеллигенцию по признаку близорукости и уничтожал всех, кто носил очки. Военные стратеги США заявили о том, что приверженцев режима Саддама Хусейна будут определять по признаку физической полноты (упитанности), исходя из предпосылки, что в условиях диктатуры этим признаком могли обладать только люди, пользовавшиеся особыми льготами, установленными режимом.

Но террор может быть направлен и в отношении неопределенно широкого круга лиц (враги народа, русские (в том числе и украинцы, и белорусы, и молдаване, т. е. все те, кто проживал на оккупированной фашистами территории бывшего СССР)). В этом случае репрессив-

⁵⁴ Опыт работы органов внутренних дел России и зарубежных правоохранительных органов по борьбе с терроризмом. М., 1999. С. 4.

⁵⁵ Национальные меньшинства, в силу самобытности не вписывающиеся в общую «державно-имперскую» систему политических ценностей, всегда обладают повышенной виктимностью. Так, в период фашизма вне закона были поставлены практически все народы, но особенно евреи и цыгане.

ный аппарат тоталитарного режима работает «на удачу» (жертвы случайны, убивают одних, чтоб другим неповадно было).

Следовательно, террор осуществляется в отношении жертвы, которую определил субъект террора (власть) по его отличительному признаку (классовому, национальному, партийному, религиозному, территориальному и т. д.).

Террор может быть облечен в форму геноцида. Понятие «геноцид» впервые было сформулировано незадолго до начала Нюрнбергского процесса польским ученым еврейского происхождения Рафаэлем Лемкиным. В своей книге, вышедшей в 1944 г. он доказывал необходимость применения нового термина для квалификации деяний нацистов. Р. Лемкин определял геноцид как «скоординированный план разнообразных действий, направленных на уничтожение главных основ жизни тех или иных групп... Этот план ставит своей целью разрушение социально-политических институтов культуры, языка, национального чувства, религии, экономического существования этих групп, личной безопасности, свободы, здоровья, достоинства и самой жизни индивидуумов, принадлежащих к данным группам»⁵⁶.

В Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него»⁵⁷ (заключена 09.12.1948) под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- а) убийство членов такой группы;
- б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- с) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на ее полное или частичное физическое уничтожение;
- д) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Суть такого преступления, как геноцид, заключается в убийствах с намерением уничтожить этническую группу. Но уничтожение может осуществляться путем не только массовых убийств, но и разнообразных действий, в совокупности реализуемых с целью прекратить – полностью или в значительной степени – существование данной группы.

Высланные Сталиным народы, по замыслу тирана, должны были исчезнуть с лица земли. И это, наверное, так бы и было, если бы тиран пережил эти народы, а не высланные народы тирана. Гитлер целенаправленно уничтожал евреев и цыган, чтобы очистить от них весь земной шар. Это тоже было бы сделано, если бы история не распорядилась иначе. Поэтому геноцид следует рассматривать как разновидность террора, а не терроризма.

Жертвами терроризма и террористического акта тоже становятся ни в чем не повинные люди. Но число этих жертв несравнимо меньше, чем число жертв террора. Жертвы терроризма, как правило, не объединены никаким характерным признаком, ими становятся те, кто просто оказался в зоне террористических интересов преступников. Более того, убийство невинных выступает лишь промежуточным звеном в достижении террористами своей стратегической цели, тогда как при терроре массовые убийства совершаются набравшей обороты государственной машиной, творящей насилие в масштабах страны уже по инерции.

Террористический акт совершается в отношении конкретно определенной личности, и, как правило, его жертвой становится только конкретная личность, обладающая соответствующим социальным статусом (государственный или общественный деятель). При террористическом акте в ряде случаев тоже гибнут невинные люди, но их смерть выступает в качестве побочного последствия, которого террорист не желает или к которому относится безразлично.

⁵⁶ Lemkin R. Axis Rule Occupied Europe. Washington, 1944.

⁵⁷ Международная защита прав и свобод человека: Сб. документов. М., 1990. С. 98–103.

4. *Силы и средства осуществления преступных акций.* Иван Грозный создал специальный орган террора – опричнину, – который за семь лет уничтожил все, что не соответствовало пожеланиям царя. Ленин для целей террора также создал специальный репрессивный аппарат (ВЧК)⁵⁸, но организаторами и руководителями репрессий на местах выступали члены ВКП(б), а использовались для этого не только силы ВЧК, но и Красная Армия. Практически вся государственная машина работала на уничтожение людей (особые отделы, губернские революционные трибуналы, районные транспортные чрезвычайные комиссии, железнодорожные трибуналы, трибуналы военизированной охраны, войск внутренней охраны, войск внутренней службы и т. д.). По данным С. П. Мильгулова, в 1920 г. в Советской России действовало приблизительно 1000 коммунистических застенков, в которых в среднем совершалось по пять убийств в день. Количество застенков росло пропорционально расширению территории, где победила Власть Советов⁵⁹.

Сталин развил созданную еще при Ленине систему. Он не только наделил правом на осуществление репрессий практически весь аппарат государственного принуждения, но и каждому члену общества вменил в обязанность поиск среди родных и близких «врагов народа». В государственном аппарате уничтожения людей имело место четкое «разделение труда». Одни составляли и утверждали планы по уничтожению людей (высшее партийное руководство), другие доносили⁶⁰, третьи производили задержание, четвертые проводили предварительное расследование, пятые выносили приговоры, шестые исполняли решения суда, седьмые контролировали исполнение решений высшего партийного руководства и отчитывались перед ним о проделанной работе. Иногда, когда человек, пройдя первый круг репрессий, оставался в живых, машина репрессий пропускала его через себя по второму, третьему, четвертому кругу, значительно снижая тем самым его шансы на спасение.

Аналогичной была система репрессивного аппарата Гитлера с той лишь разницей, что в довоенное время масштабы репрессий в отношении собственного народа были значительно меньшими, а в годы войны репрессии касались народов оккупированных территорий⁶¹.

Репрессивная система, созданная Лениным, Сталиным и Гитлером, действовала постоянно, вовлекая в свою орбиту огромные массы исполнителей. Непреходящий ужас, позволявший держать население в подчинении, внушали крайняя замаскированность и таинственность деятельности секретных служб. Тайная полиция Муссолини называлась ОВРА, причем никто не знал, что означает эта аббревиатура и является ли вообще это название аббревиатурой. По мысли Муссолини, сама непонятность наименования организации должна была внушать страх. И она внушала страх точно так же, как СС или ВЧК – ОГПУ – НКВД.

Следовательно, в случаях, когда субъектом преступлений, определяемых как террор, терроризм и террористические акты, является государство, непосредственными исполнителями этих преступлений выступают представители силовых структур государства, использующие средства, находящиеся на их вооружении.

В тех случаях, когда субъектом терроризма являются индивиды, их возможности по выбору средств значительно ограничены, особенно тогда, когда эти индивиды не имеют доступа к сверхсложным технологическим процессам, требующим специальных знаний. И

⁵⁸ Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве. (1917–1941 гг.): Монография. Уфа, 1994. С. 28; В. И. Ленин и ВЧК. М., 1975. С. 37; Из истории ВЧК. М., 1958. С. 72.

⁵⁹ Мильгулов С. П. Красный террор в России. М., 1990. С. 86–87.

⁶⁰ Альбац Е. Мина замедленного действия (политический портрет КГБ). М., 1992. С. 52.

⁶¹ Современные немецкие ревизионисты (Р. Харвуд, Р. Форисон, Ю. Граф и др.) опровергают имеющиеся в новейшей истории данные о преднамеренном истреблении многих миллионов людей. В частности они утверждают, что газовых камер как средства массового умерщвления людей вообще не было. Отсутствие каких-либо документальных подтверждений их наличия позволяет им говорить о газовых камерах как об очередном мифе. См.: Граф Ю. Великая ложь XX века / Пер. с нем. С. Воронцова. СПб., 1997. С. 78–88.

даже имея подобный доступ, субъекты терроризма не свободны в выборе средств, поскольку высокотехнологичные процессы, помимо особого контроля над ними, имеют несколько видов защиты от несанкционированных действий. То есть индивиду для совершения акта терроризма всегда приходится исходить из «подручного», доступного ему материала. В случаях, когда субъектами терроризма являются политические партии, организации, движения, пользующиеся террористическими методами, не все члены организации непосредственно вовлекаются в осуществление акта терроризма. Как правило, эту «работу» выполняют лица, входящие в боевые отряды (боевики, смертники и т. д.), которые ни по своей численности, ни по выучке, ни по вооруженности не могут сравниться с репрессивным аппаратом субъекта террора.

5. *Масштабы и последствия.* В период правления Ленина и Сталина масштабы бедствия были таковы, что одна шестая часть суши была охвачена пламенем революции и гражданской войны. Массовое доноительство усугубило разобщенность, что и вовсе исключило какую-либо возможность организованного сопротивления деспотии. А последствия выразились в невосполнимом уроне, нанесенном генофонду русской нации, его культуре и духовным устоям. Первая и Вторая мировые войны имели глобальные и ужасные последствия – сотни миллионов погибших, еще больше искалеченных, уничтоженные города, материальные, культурные и духовные ценности. Трудно себе представить, каким было бы человечество, если бы не было Первой и Второй мировых войн, Октябрьской революции и Гражданской войны в России.

Таким образом, террор имеет большие масштабы и катастрофические последствия для общества, государства и, наверное, для цивилизации.

Террористические акты и акты терроризма до сих пор не приводили к столь катастрофическим для человечества последствиям. Однако в современную ядерную эпоху уже и отдельный акт терроризма может иметь последствия, соизмеримые с последствиями террора. События в США 11 сентября, унесшие жизни около 3 тыс. человек, причинившие прямой ущерб в 4,5 млрд долларов США и приведшие к потере 7500 рабочих мест⁶², или газовая атака религиозной секты «Аум-Сенрике», от которой пострадало 5500 человек, показывают, что терроризм совершенствуется и вплотную подошел к наивысшим достижениям человеческой мысли. Об этом говорит хотя бы то, что в мире с каждым годом увеличивается количество краж радиоактивных материалов (в 1995 г. в мире было зафиксировано 169 случаев незаконных действий с ядерными материалами⁶³). В последнее время исследователи со все возрастающей тревогой говорят о новом виде терроризма – технологическом. Под ним понимают несанкционированное постороннее вмешательство в штатную деятельность потенциально опасных объектов техносферы. Но и в этом случае нельзя смешивать террор и терроризм, поскольку последний все равно лишен других признаков, присущих террору.

6. *Законодательные основы осуществления преступлений.* При формировании тоталитарной общественной системы в борьбе за сохранение, упрочение и распределение личной (диктаторской) или групповой (партийной) власти в государстве высшие должностные лица используют не только материальные, финансовые и иные ресурсы и государственные институты, но и право. Как отмечает П. А. Кабанов, использование норм права в интересах господствующей (правлящей) партии или группы лиц характерно для всей истории советского государства⁶⁴. Сразу же после насильственного вооруженного захвата государственной власти в России большевиками было создано Советское правительство – Совет народных комиссаров, который 8 января 1918 г. юридически оформил принудительный труд «классовых врагов»⁶⁵.

⁶² Бомба для Блумбера // Московский комсомолец. 2002. 27 апр.

⁶³ Сильников М. В. Особо важным объектам – особо надежная защита // Защита и безопасность. 2002. № 3.

⁶⁴ Кабанов П. А. Политическая преступность // Политический режим и преступность / Под ред. В. Н. Бурлакова, Ю. Н. Волкова, В. П. Сальникова. СПб., 2001. С. 240.

⁶⁵ Криминология. Курс лекций / Под ред. В. Н. Бурлакова и др. СПб., 1995. С. 47.

Появление в современной криминологической науке понятия «преступный закон», под которым понимается нормативный акт, хотя и принятый с соблюдением всех принятых в обществе процедур, но противоречащий праву и международно-правовым принципам (Д. А. Шестаков, С. Ф. Милуков)⁶⁶, позволяет выявлять случаи придания массовым политическим преступлениям законодательной основы. Но само понятие «преступный закон» должно пониматься шире и включать в себя как законы и подзаконные акты, так и ведомственные приказы, распоряжения, инструкции и т. д., в том числе и те, которые имеют гриф секретности, принятые национальными органами государственной власти.

Вряд ли корректно говорить о наличии или отсутствии каких-либо законных оснований для масштабных преступлений революционеров и контрреволюционеров в период революции, поскольку и те и другие, даже при наличии какой-то законодательной базы, позволяющей репрессии, действуют в экстремальных условиях, требующих «импровизации». После окончательной победы революционеров и окончания гражданской войны в России, казалось бы, необходимость в репрессиях отпала, но не тут-то было. Маховик репрессий только набирал обороты, и остановить его означало для большевиков поставить свою власть под угрозу свержения народными массами, осознавшими гибельность новой идеологии. Большевики, как и в свое время их французские коллеги, быстро это поняли и, осознанно или нет, в качестве единственного средства подчинения народа и насаждения новой идеологии выбрали внушение тотального страха перед властью. А это предполагало постоянное обоснование (и правовое и идеологическое) необходимости репрессий задачей построения «светлого будущего». Декларируемые принципы на самом деле выполняли роль «правового прикрытия» ответственности без вины.

Идеологической основой для придания законной силы массовым репрессиям, определяемым нами как террор, являлись сами революционная и фашистская теории. Основоположники марксизма допускали преобразование общества посредством насилия, не исключая террор. Вывод о необходимости революционного террора делался на основании опыта революций XVIII–XIX вв. К. Маркс «с пониманием» относился к якобинскому террору, унесшему жизни сотен тысяч человек⁶⁷. Анализируя причины поражения Парижской коммуны, К. Маркс пришел к выводу, что одной из причин ее поражения было то, что она была слишком «совестлива» по отношению к контрреволюционерам⁶⁸. «При социалистической революции и установлении диктатуры пролетариата, – считал К. Маркс, – нужно сменить оружие критики на критику оружием»⁶⁹. «Революционное насилие, – считал он, – выполняет не только разрушительные, но и созидательные функции, является “повивальной бабкой” при рождении нового общества»⁷⁰. «Революция есть, – писал Ф. Энгельс, – несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных. И если победившая партия не хочет потерять плоды своих усилий, она должна удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие»⁷¹.

⁶⁶ Бурлаков В. Н., Гилинский Я. И., Шестаков Д. А. Российская криминология в конце XX столетия // Правоведение. 1999. № 3. С. 263.

⁶⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 299.

⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 142. Следует отметить, что в 1870 г. в своем письме к К. Марксу Ф. Энгельс, отрицательно характеризуя якобинский террор, пишет: «Террор – это большей частью бесполезные жестокости, совершаемые ради собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх. Я убежден, что вина за господство террора в 1793 г. падает почти исключительно на перепуганных, выставляющих себя патриотами, буржуа, на мелких мещан, напускавших в штаны от страха и на шайку прохвостов, обделявавших свои делишки при терроре» (Соч. Т. 33. С. 45).

⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 422; Т. 6. С. 114.

⁷⁰ Там же. 2-е изд. Т. 23. С. 760–762.

⁷¹ Там же. Т. 18. С. 305.

Еще в 1901 г. Ленин писал: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это – одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях»⁷². Позже, в 1908 г., в работе «Уроки коммуны» Ленин обосновывает необходимость террора. Вот что он пишет о Парижской коммуне: «Две ошибки погубили плоды блестящей победы. Пролетариат остановился на полпути: вместо того, чтобы приступить к экспроприации экспроприаторов, он увлекся мечтами о водворении высшей справедливости в стране... Вторая ошибка – излишнее великодушие пролетариата: надо было истребить своих врагов, а он старался морально повлиять на них...»⁷³ А за два месяца до захвата власти большевиками Ленин предупреждал своих сторонников: «Без смертной казни по отношению к эксплуататорам (т. е. помещикам и капиталистам) едва ли обойдется какое ни на есть революционное правительство». Напоминал, что «великие буржуазные революционеры Франции 125 лет тому назад сделали свою революцию великой посредством террора»⁷⁴.

Взгляды основоположников марксизма эволюционировали. Многие директивы ЦК, на основании которых осуществлялся террор, носили секретный характер и были доступны лишь ограниченному числу организаторов преступлений. Но для широты размаха необходимо было включить в процесс истребления и рядовых граждан, которые могли бы доносить и выступать в качестве свидетелей. Для этого уже в УК РСФСР 1922 г. был введен целый ряд статей, образовавших ту нормативную базу, которая придала террору характер организованности, массовости, повсеместности и, главное, «законности». Законы 30–40-х годов не просто легализовали проведение репрессий, но и ввели в рамки «законности» преступную деятельность высших должностных лиц Советского государства, обеспечили их безнаказанность.

Если терроризм и террористические акты – это всегда преступления (и по национальному, и по международному законодательству), то террор до сих пор не нашел своего определения и, соответственно, отражения ни в национальном, ни в международном законодательстве. Выходит, если смотреть на проблему с юридической точки зрения, то такого рода преступной деятельности как бы и не существует, поскольку законодатель на ее счет пока еще не распорядился⁷⁵. В то же время известно, что от прямо не запрещенной опасной деятельности властей (террор периода Ленина и Сталина, экономический террор в России конца XX в.) население страдает несоизмеримо больше, нежели от терроризма, который законодательно признан преступным. Если причинение смерти, тяжкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности одному человеку квалифицируется как то или иное преступление, то и гибель сотен тысяч людей в результате легкомысленных и безответственных решений государственных должностных лиц не должна оставаться безнаказанной⁷⁶. Наверное, именно поэтому международное сообщество не может прийти к единому мнению в определении терроризма: ведь последнее предполагает определение террора и установление ответственности за него, что политически нецелесообразно для властвующих особ.

Как отмечалось, государство является субъектом не только террора, но и терроризма, и террористических актов. В тех случаях, когда за подобного рода преступления никто не привлекается к ответственности (например, за убийство президента США Кеннеди), есть основа-

⁷² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 5. С. 7.

⁷³ Там же. Т. 16. С. 452.

⁷⁴ Там же. Т. 34. С. 174, 190–191.

⁷⁵ Шестаков Д. А. Криминология, краткий курс: Преступность как свойство общества. СПб., 2001. С. 78.

⁷⁶ Русский философ Н. Бердяев писал, что «в политических убийствах, совершенных отдельными героями, в дуэлях в защите чести личность человеческая отдает и свою жизнь, отвечает за себя собою, а государство всегда безответственно по своей безличности. Убийство из «хаоса» рожденное невинное, благороднее и совести нашей выносимее, чем убийство «по закону», холодное, зверское, рассудочно-мстительное» (Бердяев Н. Казнь и убийство // Против смертной казни. М., 1906. С. 47).

ния подозревать в их совершении спецслужбы государства, реализующие политику лиц, находящихся у власти. Понятно, что доказать вину власти практически невозможно, поскольку доступ к документам, могущим послужить доказательством (если таковые вообще есть), имеет лишь очень ограниченное число лиц. Следовательно, и терроризм, и террористические акты криминализированы лишь постольку, поскольку они вредны для государства (или конкретной группы, находящейся у власти).

В научной литературе уголовные наказания в виде лишения свободы, ссылки, высылки и т. д., широко применявшиеся в период правления Сталина, зачастую рассматривают как равнозначные террору и репрессиям, не замечая наличия между ними существенной разницы.

Уголовные наказания представляют собой довольно строгую, фиксированную в законе категорию, обладающую такими устойчивыми признаками, как вид и размер, место и порядок отбытия и др. Подобная предопределенность диктует единообразие реализации уголовных наказаний в общегосударственном масштабе. Обладая элементами принудительности и кары, уголовное наказание, конечно, имеет общие черты с репрессией. Но «репрессии» – более широкое понятие, выходящее за нормированные рамки закона. Репрессии могут базироваться на административном произволе власти, оправдываться исключительностью положения, иницироваться просто властными предписаниями верховного правителя (монарха, генсека, президента и т. д.), не связанными с какими-либо законами⁷⁷. Когда репрессии приобретают массовый характер и число жертв становится значительным, речь может идти о политике террора.

Понятие «терроризм» часто используется в паре с понятием «экстремизм». Первый опыт международного закрепления дефиниции «экстремизм» был предпринят в рамках Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. В ней экстремизм определяется как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно на насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон»⁷⁸.

В ст. 1 Федерального закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности» дается довольно обширный перечень деяний, которые могут быть квалифицированы как экстремистская деятельность⁷⁹. В числе прочих называются и такие деяния, как создание незаконных вооруженных формирований и осуществление террористической деятельности. Хотя ст. 2821 УК РФ в перечне преступлений, для совершения которых организуется экстремистское сообщество, не упоминает преступлений террористического характера, экстремизм не так уж и далек от терроризма. Как показывает практика, именно экстремистские организации, изначально создававшиеся под националистическими, сепаратистскими или религиозными лозунгами, перерастают в дальнейшем в террористические. Иногда последние базируются на первых, выступая в качестве своего рода филиалов, специализирующихся на террористической деятельности в интересах основной экстремистской организации. В этих случаях терроризм следует рассматривать как крайнюю форму проявления экстремизма.

Здесь нужно сделать еще одну оговорку, пояснить понятия «тоталитаризм» и «террор».

Главный признак тоталитаризма – это положение человека в обществе, общее состояние прав и свобод граждан в обществе: «Тоталитаризм налицо там и тогда, где и когда личность, индивид, гражданин, все сферы его жизни и деятельности оказываются под тотальным кон-

⁷⁷ См.: Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» № 1761-1 от 18 октября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428.

⁷⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. 13 окт. № 41. Ст. 3947.

⁷⁹ Закон Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. // Российская газета. 2002. 30 июля.

тролем...»⁸⁰ Террор – это форма существования тоталитарного режима, способ, позволяющий устанавливать тотальный контроль над поведением каждого члена общества. Механизм террора в тоталитарных режимах действует постоянно, время от времени то усиливаясь, то стихая, касаясь сферы то экономики, то политики.

Резюмируя сказанное, террор можно определить как социально-политическое явление, выражающееся в использовании субъектами, обладающими государственно-властными полномочиями, институтов государственной власти для реализации преступной политики, содержанием которой является систематическое применение насилия, экономическое угнетение населения, развязывание войн, преднамеренное уничтожение гражданских объектов, геноцид, экоцид, насильственная депортация, а равно иные действия, совершаемые с целью внушения населению постоянного чувства страха перед властью или отдельными органами государственной власти.

Как мы уже говорили, ученые разных стран предлагали множество определений терроризма, которые в той или иной степени отражают суть этого явления (именно явления, а не преступления). Поэтому считаем, что нет необходимости предлагать еще одно определение, поскольку его появление в научном обороте вряд ли будет способствовать выработке единого, универсального понятия терроризма. Многочисленные попытки ученых дать строгое определение терроризма не увенчались успехом, и мы склоняемся к мысли, что терроризм, подобно множеству в математике, следует рассматривать как неопределяемое понятие, а главное, к чему нужно стремиться и что нужно сделать, – это определить его границы, облегчив таким образом разрешение уголовно-правовых отношений. Это будет сделано ниже, но здесь отметим, что терроризм – это более узкое понятие, чем террор, и его можно рассматривать как практическую реализацию постулата о том, что сходное должно вызывать сходное. И дело не только в стремлении противоборствующих сил причинять смерть, разрушения, производить ужасающие эффекты и т. д. Представляется совершенно логичным и даже неизбежным, что постоянное увеличение силы увеличивает и желание эту силу разрушить. В наши дни Запад, претендуя на место чуть ли не самого Бога (позицию божественного всемогущества и абсолютной моральной легитимности⁸¹), становится самоубийцей, и объявленная им терроризму война во всем мире есть война, объявленная им самому себе. Ибо очевидная несправедливость, чинимая под лозунгом борьбы с терроризмом, вызывает стремление с нею бороться даже у тех, кого происходящее вовсе не касается. То есть сила, достигнув абсолютного значения, становится соучастницей своего же разрушения. Если терроризм рассматривать как непереносимое зло, а контртерроризм – как добро, то их противоборство представляет собой ситуацию, когда добро и зло крепнут одновременно в рамках одного и того же движения по спирали. Добро не сокрушает зло, как и зло не может сокрушить добро. Но философский закон развития по спирали не оставляет сомнения в том, что сила, достигнув предела своего совершенства, пусть на непродолжительное время, обязательно уступает место бессилию.

Иными словами, за террором рано или поздно обязательно последует массовый терроризм, который, достигнув угрожающих для государственности или политической системы размеров, обязательно вызовет террор. Последний иногда является единственным средством против терроризма, что позволяет рассматривать соотношение террора и терроризма как конфликт между силой и бессилием, где сила – террор, бессилие – терроризм. Сила одного неотделима от слабости другого, хотя и сила, и слабость здесь сугубо относительны, они могут быть определены только по отношению друг к другу. Из этого следует вывод, который с циничной откровенностью сформулирован в древнекитайской книге, посвященной искусству властвования: «Когда народ слаб – государство сильное, когда государство сильное – народ слаб.

⁸⁰ Бутенко А. П. Социологические вопросы истории и теории тоталитаризма // Социс. 1998. № 6. С. 34.

⁸¹ Baudnillard J. Der Geist des Terrorismus // Hrsg. von P. Engelmann. (Passagen). Wien, 2002.

Поэтому государство, идущее истинным путем, стремится ослабить народ»⁸². Государственная политика, ведущая к ослаблению народа (экономическому, политическому, духовному), и есть террор сильного в отношении слабого. Сила сильного (государства) определяется слабостью слабого (народа).

Ученые, занимающиеся философией и теорией политики, отмечают, что культура выработала свои средства защиты слабых, средства поддержки и сочувствия проигравшим. Это помогает им восстановить силы, а став сильными, стремиться к реваншу⁸³. И в большинстве случаев терроризм – это реакция на террор, который имел место (в прошлом или в настоящем), и поэтому во многом сходен с ним. Но терроризм никогда не может обрести тех масштабов, которые свойственны террору. Жертвы террора исчисляются десятками миллионов, тогда как от акта терроризма гибнет считанное число человек или вообще никто не гибнет, а наносится лишь материальный ущерб.

Террористический акт – более узкое понятие, нежели террор и терроризм. Видимо, его нужно рассматривать как единичный случай проявления либо террора (в случае, когда субъект террора уничтожает, например, всю оппозицию, а конкретная жертва является одним из представителей сил оппозиции), либо терроризма (в случае, когда субъекты, не обладающие властными полномочиями, совершают убийства и покушения на убийства государственных и общественных деятелей, преследуя цель запугать всю власть), либо как единичный случай конкретного преступления, совершенного без цели всеобщего запугивания (например, из мести за принятое или реализованное решение). Во всех случаях жертва террористического акта индивидуально определена по характеризующему признаку – по своей государственной или общественной деятельности.

⁸² Книга правителя области Шан. М., 1993. С. 219.

⁸³ Фельдман Д. М. Политология конфликта: Учебное пособие. М., 1998. С. 85.

1.3. Понятие и признаки международного и межгосударственного терроризма

Несмотря на то, что практически во все межгосударственные политические переговоры включается вопрос о противодействии международному терроризму, общепризнанной трактовки этого понятия не существует⁸⁴. Многочисленные попытки отечественных и иностранных ученых дать такую трактовку сводятся к отнесению к международному терроризму и самого терроризма во всем его многообразии⁸⁵, и преступлений, затрагивающих интересы двух или более стран⁸⁶, и просто убийств иностранных дипломатов⁸⁷, а в современный период – всех видов терроризма, в которых наличествует признак транснациональности или участвует иностранный элемент⁸⁸. Международный терроризм некоторые ученые характеризуют как особый вид боевых действий, не регламентированный никакими границами, обычаями и правилами ведения войны (К. Салимов, Д. Ольшанский).

«Определить международный терроризм очень трудно, если вообще возможно, – считает М. Бассиоуни. – Главная причина этого – “двойной стандарт”, который продолжает оказывать влияние на политические и правовые оценки насильственных действий»⁸⁹.

Попытки определить международный терроризм предпринимались на VIII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1990 г. Так, в Докладе Генерального секретаря ООН говорилось: «Международный терроризм можно охарактеризовать как террористические акты, при совершении которых исполнители (или исполнитель), планируя свои действия, получают руководящие указания, приезжают из других стран, спасаются бегством или ищут убежище или получают помощь в любой форме не в той стране или странах, в которых совершаются эти действия»⁹⁰.

Упоминаемые в цитате признаки свойственны и другим преступлениям, особенно организованным и транснациональным, и ни один из них не присущ терроризму вообще, международному терроризму в особенности.

В ст. 3 Закона РФ «О борьбе с терроризмом» отсутствует понятие «международный терроризм», однако дается понятие международной террористической деятельности, которое включает в себя: а) действия, совершаемые террористом или террористической организацией на территории более чем одного государства или наносящие ущерб интересам более чем одного государства; б) террористические действия граждан одного государства в отношении граждан другого государства или на территории другого государства; в) случаи, когда как террорист, так и жертва терроризма являются гражданами одного и того же государства или разных государств, но преступление совершено за пределами территории этих государств.

⁸⁴ Сальников В. П. Законодательство Российской Федерации и проблемы борьбы с терроризмом // Защита и безопасность. 1998. № 4.

⁸⁵ International Law Association / Report of the 56-th Conference. New Delhi, 1974. P. 163.

⁸⁶ Foreign Affairs. 1974. № 1; Маджорян Л. А. Терроризм: правда и вымысел. М., 1983. С. 28–42.

⁸⁷ Le monde diplomatique. № 194. P. 1, 19; Legal Aspects of International Terrorism / Ed. by A. E. Evans, J. F. Murphy. Toronto, 1979. P. 485; Ляхов Е. Г. Терроризм и межгосударственные отношения. М., 1991. С. 23, 27.

⁸⁸ Маджорян Л. А. Терроризм: правда и вымысел. М., 1983. С. 28; Зорин Г. А., Танкевич О. В. 1) Понятие и основные признаки транснациональной преступности. Гродно, 1997; 2) Стратегия борьбы с транснациональной преступностью. Гродно, 1997.

⁸⁹ Bassiouni M. C. Introduction. Legal Responses to International Terrorism. Dordrecht: Nijhoff, 1988. P. 15.

⁹⁰ Морозов Г. И. Терроризм – преступление против человечества (международный терроризм и международные отношения): 2-е изд., перераб. и доп. // РАН. Институт мировой экономики и международных отношений. М., 2001. С. 48.

Деятельность террористической организации, затрагивающую интересы двух или более стран, можно назвать международной террористической деятельностью. Но международный терроризм и международная террористическая деятельность не одно и то же.

Из российских ученых серьезную попытку обобщения и анализа точек зрения различных исследователей по проблеме международного терроризма предпринял профессор Е. Г. Ляхов. Он отмечает, что существующие определения этого явления не позволяют сформировать полное и четкое представление о нем как о преступном деянии лица (группы лиц), затрагивающем международные отношения. Однако, исследуя отдельные элементы международного терроризма в условиях мира между государствами, ученый приходит к выводу, что международный терроризм – это:

1) незаконное и преднамеренное совершение лицом (группой лиц) на территории государства насильственного акта в отношении пользующихся защитой согласно международному праву иностранных государственных или международных органов или учреждений и (или) их персонала, средств международного транспорта и связи, других иностранных или международных объектов;

2) организованное или поощряемое иностранным государством незаконное и преднамеренное совершение на территории данного государства лицом (группой лиц) насильственных актов в отношении национальных государственных органов или общественных учреждений, национальных, политических и общественных деятелей, населения или иных объектов в целях изменения государственного или общественного строя, провокации международных конфликтов и войны.

«Особенностью международного терроризма, – считает Е. Г. Ляхов, – является то, что наиболее опасные акты организуются или поощряются государством, действующим, однако, через отдельное лицо или организацию»⁹¹.

В первом приведенном определении автор почти полностью воспроизводит признаки преступления, предусмотренного ст. 360 УК России, – нападения на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой. Во втором определении смешиваются признаки преступлений, предусмотренных ст. 205, 277 и 360 УК. А то, что Е. Г. Ляховым определяется как особенность международного терроризма, есть не что иное, как основной признак межгосударственного терроризма.

Международный терроризм в большинстве случаев проявляет себя в условиях развития международного конфликта. Но и понятие «международный конфликт» тоже до сих пор не имеет точно зафиксированного содержания. Именно поэтому среди определений этого понятия широкое признание и распространение в свое время получила довольно расплывчатая формулировка американского ученого К. Райта. Не проводя четкой грани между международным и межгосударственным конфликтом, он «в широком смысле» определяет международный конфликт как «отношение между государствами, которое может существовать на всех уровнях и в различных степенях»⁹².

Между тем точное определение международного терроризма, отграничение его от актов терроризма могло бы служить научной базой для выработки соответствующих международных договоренностей. А они позволили бы переносить в необходимых случаях акцент с физического лица – исполнителя акта международного терроризма – на государство – основной субъект международно-правовых отношений⁹³.

Существующий в научной литературе разброс мнений по данному вопросу, как видится, связан с «ошибкой управления». Дело в том, что ученые ставят знак равенства между двумя

⁹¹ Ляхов Е. Г. Терроризм и межгосударственные отношения. М., 1991. С. 27.

⁹² Wright Q. Escalation of International Conflict // The Journal of Conflict Resolution. 1965. № 4. P. 435.

⁹³ Дикаев С. У. Международный терроризм: вопросы законодательного определения // Философия права. 2003. № 2.

несущими разную содержательную нагрузку понятиями «международный» и «межгосударственный». Понятие «международный терроризм» рассматривается ими как производное от понятия «международное право». Вернее, слово «международное», относящееся к праву, ими механически переносится и на терроризм. Между тем, и само понятие «международное право» не совсем точно указывает на его первоначальное содержание. Еще первый систематизатор науки международного права в России профессор Ф. Мартенс признавал, что предметом этого права являются «отношения между независимыми государствами»⁹⁴. И ныне практически только государства являются полноценными его субъектами. В английском, французском, испанском, арабском языках международное право называется «межстрановым», «межгосударственным», что точнее, чем в русском или тюркских⁹⁵. В русском же языке сохранилось перешедшее в свое время наименование римского права – *jus gentium* (право народов), замеченное впоследствии на *jus inter gentium* (право между народами)⁹⁶, что не одно и то же.

По нашему мнению, термин «международный терроризм» должен охватывать такие деяния, которые совершаются представителями одного народа против представителей другого при условии, что оба народа принадлежат одному и тому же государству, например, осетино-ингушский, грузино-абхазский, турецко-курдский⁹⁷, хуту-тутси и т. п. конфликты, сопровождающиеся актами терроризма. Другой вариант международного терроризма – это случаи, когда представители одного из народов одного государства совершают акты терроризма против представителей другого народа другого государства, несмотря на противодействие официальных органов власти этих государств (палестино-израильский, ирландско-английский и т. д.). Акты терроризма, в основе которых лежат межконфессиональные противоречия, например, между индийскими индусами – пакистанскими мусульманами, суннитами в Ираке и шиитами в Иране, можно считать разновидностью международного (межконфессионального) терроризма при условии, что:

а) представители разных религий или конфессий являются гражданами одного государства (например, индусы и мусульмане, проживающие в индийском штате Кашмир, являются гражданами Индии); либо

б) террористами являются граждане разных государств (например, сунниты в Ираке и шииты в Иране) при отсутствии признаков, указывающих на то, что акты терроризма спровоцированы или поддерживаются государством, гражданами которого они являются.

Многие межгосударственные соглашения по противодействию терроризму направлены против этих вариантов проявлений терроризма. О межгосударственном терроризме речь не ведется, из чего следует, что политики либо опасаются обнаружить терроризм как средство внешнеполитической борьбы, либо не желают допустить саму мысль о том, что факт использования терроризма в межгосударственных отношениях станет достоянием широкой общественности, поскольку тогда от этой практики придется отказаться.

Межгосударственный терроризм в современный период более актуален (еще более актуален он был в годы «холодной войны»), чем терроризм международный. Акты межгосударственного терроризма готовятся и совершаются высокопрофессиональными сотрудниками спец-

⁹⁴ Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. 5-е изд., испр и доп. СПб., 1994. Т. 1. С. 16.

⁹⁵ Тузмухамедов Р. А. Права и свободы народов по международному праву // Права и свободы народов в современных источниках международного права: Сб. документов. Казань, 1995. С. 5; Права народов: Международно-правовой толковый словарь. Уфа, 1996. С. 13–17.

⁹⁶ Гроций также разделяет право народов и межгосударственное право. «То, что общим согласием человечества показано как воля всех, есть право» (межгосударственное право, отражающее естественное право всего человечества); «То, что всеми государствами показано как их воля, есть право относительно всех» (право народов). *Grotius H. De jure preadae commentarius*. Gravenhage; Nijhoff, 1868. P. 27.

⁹⁷ С учетом того, что курды не имеют своей государственности, здесь имеется в виду та часть этого народа, которая является гражданами Турции. Вильчешский О. Курды: Введение в этноисторию курдского народа. М., 1961; Никитин В. Курды. М., 1964; Лазарев М. С. Курдский вопрос (1891–1917 гг.). М., 1971; За что воюют курды? // За рубежом. 1999. 24 марта.

служб. Примерами межгосударственного терроризма могут служить убийство спецслужбами СССР президента Афганистана Амина, многочисленные покушения сотрудников спецслужб США на жизнь Ф. Кастро, М. Каддафи, предположительное участие афганской разведки в организации ряда взрывов в Пакистане⁹⁸, многочисленные попытки США сменить политическую власть в Ираке, вылившиеся, в конце концов, в открытую агрессию, и др. Подобные акты межгосударственного терроризма преследуют цель кардинального изменения политической или экономической ситуации в регионе в пользу государства-террориста. Эта разновидность терроризма не криминализована, и вряд ли в скором времени будет криминализована, так как это одно из немногих насильственных средств обеспечения геополитических интересов государств.

Между тем в п. 5 «Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма», принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 49/60 от 9 декабря 1994 г., говорится, что государства обязаны выполнять свои обязательства по Уставу ООН и другим положениям международного права в отношении борьбы с международным терроризмом. Государствам настоятельно предлагается принять эффективные и решительные меры согласно соответствующим положениям международного права и международным стандартам прав человека для скорейшей и окончательной ликвидации международного терроризма. В частности предлагается *воздерживаться от организации террористической деятельности, подстрекательства к ней, содействия ее осуществлению, финансирования, поощрения или проявления терпимости к ней и принимать надлежащие практические меры к обеспечению того, чтобы их соответствующие территории не использовались для создания террористических баз или учебных лагерей или для подготовки или организации террористических актов, направленных против других государств или их граждан* (курсив наш. – С. Д.)⁹⁹.

Декларация «О недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств», принятая Резолюцией ООН 36/103 на 36-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (9 декабря 1981 г.), обязывает государства воздерживаться от действий, которые могут быть оценены как акты межгосударственного терроризма. В частности, во втором разделе государства прямо обязываются:

- не допускать на своей территории обучения, финансирования и вербовки наемников или засылки таких наемников на территорию другого государства и отказывать в предоставлении средств, включая финансирование, для оснащения и транзита наемников (пункт «g»);

- воздерживаться от организации, обучения, финансирования или вооружения политических и этнических групп на своих территориях или территориях других государств с целью осуществления подрывной деятельности, создания беспорядков или волнений в других странах (п. «n»);

- воздерживаться от использования практики терроризма в качестве государственной политики против других государств или против народов, находящихся под колониальным господством, иностранной оккупацией или под гнетом расистских режимов, и не допускать предоставления какой-либо помощи, использования или проявления терпимости в отношении террористических групп, саботажников или лиц, ведущих подрывную деятельность против третьих государств (п. «m»)¹⁰⁰.

В п. 86 Итогового документа Всемирного Саммита 2005 г. (15 сентября 2005 г.) также подчеркивается: «Мы вновь призываем государства воздерживаться от организации, финансирования, поощрения, подготовки или оказания какой-либо иной поддержки террористической

⁹⁸ Опыт работы органов внутренних дел России и зарубежных правоохранительных органов по борьбе с терроризмом. М., 1999. С. 6.

⁹⁹ Сборник правовых актов. 1998. Вып. 10. С. 133.

¹⁰⁰ Действующее международное право. М., 1996. Т. 1. С. 99–102.

деятельности и принимать надлежащие меры для обеспечения того, чтобы их территория не использовалась для такой деятельности»¹⁰¹.

Из сказанного вытекает вывод о том, что на межгосударственном уровне давно осознается, что за многими актами терроризма и за многими террористическими организациями стоят государства и, наверное, не только государства, включенные президентом США в так называемую «ось зла». Впрочем, юридического закрепления в национальных нормативных актах это осознание не находит своего отражения.

Тем не менее нужно признать, что проблема международного терроризма реально существует и демонстрирует тенденцию глобализации. И не столько потому, что в мире существуют конфликты, вызывающие террористическую активность с той или иной стороны из-за ограниченности возможностей удовлетворения иррациональных потребностей, сколько потому, что сам мир становится все более открытым (доступным) для большинства людей. Ликвидация социалистического лагеря не только изменила конфигурацию системы международных отношений, но и привела к кардинальным сдвигам в основах мировой политики с точки зрения содержания и направленности сотрудничества и противоборства на мировой арене. Увеличилось число участников политического взаимодействия на международном уровне; усложнился его характер; распались старые и появились новые государственные национально-территориальные и политические образования, в том числе не имеющие границ, однако получившие международно-правовое признание; возник ряд новых государств, и произошла своего рода реанимация некоторых из них, казалось бы, ушедших в прошлое; во вспыхивающие конфликты все чаще стала вовлекаться «третья» сторона, стремящаяся воспользоваться ослаблением их участников, или пытающаяся предотвратить возникшую угрозу международной безопасности.

Так, если согласно данным английского социолога-международника Э. Луарда за период с 1400 г. по настоящее время примерно половина из случившихся в мире вооруженных конфликтов приходилась на столкновения между государствами, то в последние четыре десятилетия к ним относятся лишь 37 из 127 (90 конфликтов имели статус внутригосударственных). По данным Центра методологии международных исследований Дипломатической академии МИД РФ «лишь 22 из 147 крупных конфликтов, происшедших в 1945–1984 гг., имели исключительно межгосударственную структуру»¹⁰². Более трети государств – членов ООН только в первой половине 90-х годов участвовали в вооруженных конфликтах. Около 175 субнациональных групп и организаций систематически прибегают к актам вооруженного насилия¹⁰³. Иногда политическое насилие в одной стране оказывает серьезное влияние на обстановку в другой, приграничной стране. Например, обострение политической борьбы в Шри-Ланке сказалось на соседней Индии, где во время избирательной кампании и при содействии террористической организации «Тигры освобождения Тамил-Илама» 21 мая 1991 г. был убит премьер-министр Индии Р. Ганди¹⁰⁴.

Сам объективный ход конфликтов подтверждает оценки тех исследователей, которые считают мировую политику сферой взаимодействия не одних только государств, но и любых социальных групп, имеющих политически значимые интересы¹⁰⁵. Именно это позволяет террористам, совершив преступление, на протяжении довольно долгого времени скрываться от преследований в любой стране мира. Их розыск и привлечение к ответственности становится весьма проблематичным поскольку, требует наличие общей, согласованной политики госу-

¹⁰¹ <http://www.un.org/depts/dhl/dhlrus/resources/terrorism>

¹⁰² Юридическая конфликтология. Ч. II: Юридический конфликт: сферы и механизмы. М., 1994. С. 144–145.

¹⁰³ Rana S. Small Forms and intrastate conflict. Geneva, 1995. P. 2.

¹⁰⁴ Опыт работы органов внутренних дел России и зарубежных правоохранительных органов по борьбе с терроризмом. М., 1999. С. 4.

¹⁰⁵ Фельдман Д. М. Политология конфликта: Учебное пособие. М., 1998. С. 68.

дарств. В последнее время этот процесс идет опережающими темпами. Однако важнейшим условием обуздания террористического натиска в мире является изъятие из-под юрисдикции национальных законодательств судебного разбирательства по делам, связанным с проявлениями политического терроризма, и передача соответствующей функции Международному уголовному суду. На наш взгляд, это снизило бы вероятность применения двойных стандартов в борьбе с терроризмом и отбило бы охоту использовать террористическое насилие в политических целях.

Международный терроризм – это совершение актов терроризма одной социальной группой, объединенной по этническому или национальному признаку, против представителей другой социальной группы, объединенной по этническому или национальному признаку, обусловленное национальной, расовой, религиозной или культурной нетерпимостью.

Признаки международного терроризма:

1) акт терроризма совершается на почве неприязненных межгрупповых отношений, связанных с социальным или политическим конфликтом;

2) субъекты терроризма и их жертвы являются представителями разных народов, проживающих на территории одного государства, гражданами которого они являются;

3) субъекты терроризма и их жертвы являются представителями разных народов, проживающих на территории более чем одного государства, обладают гражданством разных государств, при отсутствии признаков, указывающих на провоцирующую роль государств.

Межгосударственный терроризм – это невоенные насильственные действия одного субъекта межгосударственного (международного) права, совершенные в целях ослабления политических, экономических, идеологических и иных позиций другого субъекта межгосударственного (международного) права.

Признаки межгосударственного терроризма:

1) акт терроризма осуществляется с санкции одного государства против объектов другого государства;

2) между государствами нет отношений, вызванных объявлением войны;

3) целью акции является ослабление политических, экономических, идеологических и иных позиций другого государства или провокация внутреннего конфликта.

Главные особенности межгосударственного терроризма: 1) как правило, он носит совершенно секретный характер; 2) государства отрицают свою причастность к актам терроризма и обвиняют в них противоположную сторону; 3) террористические действия осуществляются спецслужбами государства непосредственно или уже путем вербовки и вооружения террористов; 4) опекаемые государствами террористы лучше обеспечивают государственные интересы одним эффективным актом терроризма, чем армейские подразделения военными операциями.

Глава II. Террор, терроризм, террористический акт: вопросы классификации

2.1. Основные подходы к решению проблемы

Исключительная сложность проблемы терроризма, его многоликость, многообразие форм проявления и политические противоречия в оценке его сущности определяют не только отсутствие общепризнанного понятия «терроризм», но и вызывают затруднения при его классификации. Незавершенность типологических вопросов препятствует адекватному пониманию природы и причин рассматриваемого явления. Отсюда и недостаточная проработанность юридических аспектов, и слабая продуманность мер профилактики и пресечения актов терроризма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.